

В.Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений

Важнейшее место в системе русско-китайских отношений в первой половине XX века занимали консульские учреждения Китайской Республики в Сибири. Консульства, в отличие от дипломатической миссии, не занимались решением политических вопросов в двухсторонних отношениях напрямую, но они осуществляли контакты с местными властями, занимались реализацией политики на уровне регионов, занимались непосредственным решением всего комплекса проблем, связанных китайской миграцией. В наиболее сложные периоды истории двухсторонних отношений консульские учреждения брали на себя посреднические функции в решении самых разных политических вопросов на высшем уровне.

Право Китая назначать своих консулов в русские города было закреплено Пекинским договором 1860 г. Впервые китайское правительство поставило вопрос об открытии на территории России консульских учреждений в 1882 г. К концу XIX в. Пекин смог оформить своё представительство в одном из российских городов. В июле 1896 г. российский посланник в Китае А.П. Кассини писал министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому: «На днях Китайское правительство... высказало предположение о назначении сперва во Владивосток, а впоследствии в Благовещенск Китайских консулов» [1, ф. 148, д. 809, л. 1]. Но правительству Цинской империи разрешили открыть на территории Российской империи лишь одно представительство – во Владивостоке. В августе 1897 г. туда прибыл коммерческий агент с консульскими полномочиями Ли Цзяо 李家鳌, с секретарём и шестью служащими. Гуй Фан 桂芳, преемник коммерческого агента Ли Цзяо, был назначен на должность генерального консула Китая во Владивостоке лишь в 1909 г.

В 1911 г. китайский представитель в Петербурге требовал разрешения на открытие китайских консульских учреждений в 16 российских городах. А летом 1912 г. министр иностранных дел Китайской Республики Лу Чжэнсян

потребовал «в Хабаровске, Айхуне и других местах скопления китайских рабочих учредить консульства...» [3, ф. 42, оп. 1, д. 41, л. 66]. Идею необходимости открытия консульств в России для защиты интересов китайских мигрантов поддерживали широкие слои китайской общественности. В китайских газетах писали: «нет другого способа, как соединившись сообща, выбрать представителя подать просьбу в палату представителей, чтобы... во-вторых, просить в местах скопления рабочих на Амуре и в Иркутске учредить места консулов для охраны китайских рабочих...» [3, ф. 42, оп. 1, д. 41, л. 65].

Первое китайское консульство собственно в Сибири было открыто накануне Революции 1917 г. В июне 1915 г. МИД Российской империи сообщало Иркутскому генерал-губернатору о том, что китайское правительство выступило с ходатайством об открытии генерального консульства в Кяхте и консульств в Иркутске и Чите. В конце октября 1915 г. Президент Китайской Республики Юань Шикай одобрил представление *Вай-цзяо-бу* (МИД) об учреждении китайского консульства в Иркутске, и в ноябре исполняющим обязанности консула был назначен Гуань Шанпин 管商平. В состав Иркутского консульского округа кроме Иркутской губернии вошли территории Енисейской, Томской, Тобольской и Акмолинской губерний. Сам Гуань Шанпин приехал в Иркутск в январе 1916 г., секретарь консульства Гуань Юйэнь и делопроизводитель Се Юн прибыли к месту службы в июне 1916 г. Российский посланник в Пекине невысоко оценивал иркутского консула, он писал: «Гуань Шан-пин владеет русским языком в слабой степени... производил впечатление человека, не особенно далёкого и плохо разбиравшегося в вопросах...» [5, ф. 25, оп. 11, д. 2, л. 106]. Первый консул прослужил в Иркутске до 1917 г., его сменил на посту консула чиновник МИД Вэй Бо 魏渤, получивший юридическое образование в Петербурге и известный своей книгой «Русский в Китае и китаец в России». Вновь учреждённую весной 1919 г. должность консула в Омске до июля 1920 г. занимал Фань Циуан 范其光. Гуань Шанпин в 1919 г. был назначен на должность консула в Чите.

В конце 1917 г. Пекин не признал новое российское правительство – Совет Народных Комиссаров, и отозвал своего дипломатического представителя из Петрограда, но китайские консулы не покинули восточных районов России, и неоднократная смена власти не препятствовала деятельности этих китайских учреждений. В начале 1920 г., когда в столице Восточной Сибири вновь была установлена Советская власть, в регионе продолжило работу консульство в Иркутске. Было ещё консульство в Чите, но столица Забайкалья формально не вошла в состав РСФСР, и основная нагрузка в деле решения вопросов советско-китайских отношений легла на штат консульства Китайской Республики в Иркутске.

Возглавлявший консульство в Иркутске Вэй Бо вскоре выехал в Китай, оставив вместо себя в качестве вице-консула председателя Китайского национального общества Ван Хунтин (В.Н. Ван). Точно определить штат консульства сложно, в документе за май 1920 г., например, в числе курьеров консульства в Иркутске были названы «ВАГ-ЙО-ШАНЬ, ЛИ-КИН-СЫНЬ,

ЯН-ВИН-ТЫНЬ и ЧЖАН-Ю-ЯО» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 156]. В документах также отмечается, что секретарь консульства Е-юн (?) жил рядом с консульством, на улице 4-я Солдатская.

С первых дней советской власти на разных уровнях поднимался вопрос об усилении консульского представительства Китая в Сибири. В телеграмме за подписью «Председателя Центрального Китайского Союза в России», датированной мартом 1920 г., говорилось: «Является совершенно необходимым чтобы китайское Правительство организовало Консульские Учреждения в Сибири и Европейской России для деловых сношений» [2, ф. 514, оп. 154, д. 59, л. 24–25]. 17 июня 1920 г. из «Китайского Республиканского Консульства в Иркутске» сообщили «Уполномоченному по Иностранным делам Сибири и Дальнего Востока Гражданину Янсону»: «В Министерстве Иностранных дел в Пекине обсуждается в настоящее время вопрос о назначении в Иркутск Генерального Китайского Консула с особенным объёмом полномочий» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 157]. В апреле 1920 г. консулом в Иркутск был назначен Чжу Шаоян 朱绍阳, но приступил он к исполнению своих обязанностей лишь с января 1921 г. Гуань Шанпин писал секретарю консульства в Иркутске летом 1920 г.: «Пекинская миссия уже возвратилась в Китай. Генеральный Консул пока ещё не выехал из Пекина. Баоцзанфу уже приехал сюда. Место Ваншумы намерен ... приехать в Читу...» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 153].

Китайское консульство в Иркутске в 1920 г. было едва ли единственным для РСФСР «окном в Китай». По крайней мере, из Москвы, правда, от имени Исполкома Союза китайских рабочих, запрашивали у консульства следующую информацию: «1/ состав Правительства, 2/ имя президента, 3/ время созыва Парламента, 4/ политическое положение Южного Китая» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 16]. Через консульство в Иркутске рассматривались вопросы отправки в Москву официального китайского представителя. В документах за подписью вице-консула на имя китайских властей в Монголии в 1920 г. отмечается: «Почтительнейше просим телеграфировать Правительству в Пекин, что назначение представителя Китая для Советской России выведет проживающих здесь китайских подданных из тяжёлого положения и будет спасением их имущества» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 176].

С первых дней победы советской власти в Иркутске местный консул самым активным образом стал защищать интересы китайского населения, пострадавшего от политики «военного коммунизма». При этом китайские представители не избегали касаться общих вопросов двухсторонних отношений. Иркутский Военно-революционный комитет уже в феврале 1920 г. получил следующее заявление за подписью «Китайского Консула С. Вейбо»: «Консульство пребывает в уверенности, что настоящее ходатайство это будет в кратчайший срок рассмотрено и удовлетворено, ибо по глубокому убеждению Консульства, разорение Китайских граждан не есть намерение власти, по-видимому, стремящейся к сохранению дружественных отношений к Китайскому народу» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 3]. Для советского же внешнеполитического ведомства консульство Китая в Иркутске стало тем учреждением, через которое Москва искала выходы на Пекин. В частности,

Сибирская миссия НКВД в письме к Вэй Бо предложила начать переговоры между двумя странами о пересмотре старых русско-торговых договоров.

На долю консульства в Иркутске выпало участие в решении одной из самых сложных проблем в советско-китайских отношениях – оккупации китайскими войсками Троицкосавска. Весной 1920 г. в Иркутск даже прибыла из Кяхты Китайская военная миссия во главе с сановником Ху Пангао. Консульство в Иркутске выступало против оккупации китайскими войсками русского города, в письме за подписью вице-консула Ван говорилось: «Было бы желательно вывести войска из Троицкосавска. Желательно сохранить дружественные добрососедские отношения... Нарушение дружественных отношений между Россией и Китаем пагубно отразится на местном китайском населении и имуществе китайцев» [2, ф. 514, оп. 154, д. 44, л. 176].

В мае 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», в первой статье которого было записано: «Немедленно после подписания настоящего Соглашения восстанавливаются нормальные дипломатические и консульские отношения между обеими Договаривающимися Сторонами» [9, с. 71]. Вскоре в Сибири к генконсульству в Иркутске добавилось консульство в Новосибирске.

Для того, чтобы китайские консульства успешно могли решать задачи защиты интересов китайских мигрантов и проведения государственной политики, Пекин уделял большое внимания подбору кадров. Для примера можно взять консула в Чите, затем переехавшего в Иркутск. В январе 1925 г. один из советских контрразведчиков писал: «В процессе общего освещения консульства выяснено: консул – 46 лет, имеет большую жену в Китае и несколько детей, окончил университет в Англии, получил назначение в Читу по протекции китайского представителя в Москве, с которым он хорошо знаком, сторонник У Пэйфу. В конце 1924 г. консул женился на переводчице-машинистке Марии Мясниковой, дочери генерала В.Е. Мясникова, который жил с женой в Чите. Китайский консул Шобин (Чжан Вэй 张玮) не раз выступал в краеведческом музее с докладами о китайском искусстве. Жена – русская, читинка. В декабре выехал из Читы в Иркутск. Генконсульство преобразовано в консульство. Двоюродный брат Чжан Шинь. Вице-консул Ген Куан, возраст 27 лет, женат, имеет двух детей, окончил университет в Пекине, хорошо владеет русским языком, учится [говорить] по-английски, сторонник У Пэйфу, националист, ненавидит японцев. Ву, он же Хо, заподозренный нами как резидент китайского шпионажа, одним из первых закончил университет законодательства в Чикаго, занимает должность в консульстве юрисконсультанта, великолепно говорит по-английски, учится русскому, большой сторонник Чжан Цзолина» [10, с. 76].

В октябре 1925 г. Циркуляром НКВД был установлен «порядок сношения с консульскими представительствами». На основании этого документа было определено: «Сношение с Генконсульством Китайской Республики в Иркутске, по вопросам, касающимся непосредственного исполнения его консульских функций, т.е. защита интересов граждан Китайской Республики,

должны проходить через Окрисполком... При устном обращении представителей Консульства, выслушивать и указывать, что за разрешением возбуждённого вопроса надлежит обращаться в Окрисполком. По всем вопросам, связанным с нормальным функционированием Консульства – как учреждения, или с жизнью самого Консула, как иностранца на территории Союза, Консул вправе обращаться непосредственно в учреждения (почта, телеграф, банки, адресный стол и т.д.) без сообщения об этом в Окрисполком» [5, ф. Р-504, оп. 5, д. 216, л. 3].

Китайские консулы не только успешно работали, но и принимали участие в общественной жизни регионов. В письме от имени жены китайского генконсула в Иркутске к директору музея в Чите А.К. Кузнецову можно прочитать: «... до сего времени не увенчали успехом всего, что перед отъездом обещали Вам наладить обмен книгами музея с пекинским музеем или другими научными обществами. Муж писал своим друзьям сам... Министерство торговли и промышленности, имеющее ряд научных секций... запросило нас и просило связать не с музеем, а с Академиком, что мы и сделали... Мы тут живём понемножку. Познакомились с местными музеями (их тут 3, а если считать универс., то целых 5). Знакомы с некоторыми членами Геогр. О-ва. Муж читал маленькое сообщение в Археологич. Секции универс. „Следы пребывания китайцев в Сибири и на Байкале“. Кроме того, делал маленький доклад в Ассоциации востоковедения. У нас часто бывает проф. Петрэк (археолог, этнограф), а также и другие профессора, являются со своими „трудами“ по этнографии, палеоэтнологии, о туземцах, раскопках, об искусстве, шаманах, неолите и т.д. Всё ужасно интересно. Недавно мы прочли Грум-Гржиайло... автор проводит теорию о „ди“ и динлинах и уверяет, что династия Чжоу и вся китайская культура – все от „ди“. Муж возмущен, а я его дразню, что и он сам „маленький ди“. Написал критич. заметку, будет напечатана в трудах ВСОРГО. Муж здесь также член Арх. Секции и кандидат ВСОРГО...» [10, с. 77–78].

В русско-китайских отношениях возникали противоречия по персональному составу консулов. В материалах НКВД сохранились следующие документы: «Китайское посольство поставило в известность Наркоминдел, что ГУАН-ШАН-ПИН, исп. обязанности консула в Хабаровске, назначается на должность Генконсула в Иркутск. По мотивам дипломатического характера НКВД не дало своего согласия на это назначение... если ГЕН-КУАН в настоящее время находится в Иркутске, то его следует рассматривать как временно исполняющего обязанности Консула, поддерживая с ним нормальные отношения, воздерживаясь от каких либо обострений» [4, ф. Р-47, оп. 5, д. 84, л. 17].

Нормальная деятельность консульских учреждений в СССР была прервана из-за советско-китайского конфликта на КВЖД. В Постановлении ЦИК и СНК Союза ССР от 14/VIII-1929 г. говорилось: «Прервать дипломатические, консульские, торговые и иные сношения с Китайской Республикой» [4, ф. Р-47, оп. 1, д. 3086, л. 43]. 24 июля весь состав китайского посольства в Москве выехал через Ленинград в Финляндию. 25 июля 1929 г.

китайский генконсул с семьёй и всем штатом консульства покинул свою резиденцию в Иркутске. Газета «Советская Сибирь» 27 июля писала: «Перегруженный богатствами консула грузовик, при выезде из усадьбы особняка, проломил мостик и тротуар. Коммунальный отдел немедленно составил акт на консула. Автомобиль консула около особняка, на углах улиц города и на вокзале был встречен рабочими и комсомольцами, которые со свистом и криком „налётчики поехали домой“, „мы сумеем постоять за наши интересы на КВЖД, за нашу страну советов“, – провожали отъезжавшего консула...» [8, 1929, 27 июля]. Интересы Китая и китайских граждан в Сибири в этот период защищало германское консульство в Новосибирске.

Восстановление китайских консульств в Сибири началось сразу после прекращения военного конфликта, но проходило поэтапно. 22 декабря 1929 г. был подписан «Хабаровский протокол об урегулировании конфликта на КВЖД», соглашением предусматривалось восстановление работы консульств. Правда, были восстановлены консульства лишь на границе, в том числе возобновило работу консульство в Чите. Прерванные 16 августа 1929 г. дипломатические отношения были восстановлены лишь после того, как на переговорах по разоружению в Женеве В.В. Иен (Янь Хуйцин 颜惠庆) и М.М. Литвинов 12 декабря 1932 г. обменялись нотами о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и КР. В 1934 г. было возвращено китайское консульство и в Новосибирск. К началу 1935 г. в столице Сибири работали «кит. генконсул в Новосибирске ЛИ-ФАН» и «консул ЛИ-ЧЕН-ИН» [4, ф. Р-47, оп. 5, д. 215, л. 7].

Ситуация вокруг китайских консульств в Сибири с начала 1930-х была непростой. Из Читинского горкома ВКП(б) в 1931 г. докладывали о многочисленных протестах и политических акциях местного консула: «...7. В Читинском театре в апреле месяце Московской труппой был дан спектакль, в котором была песня „Нас побить, побить хотели“ /Демьяна Бедного, посвящена ОКДВА/ – на другой день Председателю Горсовета от Китконсула поступил протест против этой песни. 8. При открытии цирка – Китайский консул был приглашен Горсоветом и во время сеанса, когда начали продерживать Чжан-Кай-Ши, консул не ожидая конца сеанса покинул открыто /демонстративно/ цирк и за ним же из всех концов цирка потянулись китайцы, и ушли вместе с консулом» [6, ф. 123, оп. 4, д. 360, л. 123].

Выявленные документы говорят о крайне напряжённых отношениях между китайским консульством и советскими властями в Новосибирске. В записке Президиума Новосибирского Госсовета по поводу китайских колхозов говорилось: «Консульство через своих людей, возглавляемых Чен-Бон-Зином повело линию на разукрупнение с тем, чтобы колхоз развалить... Потерпев поражение открытого развала колхозов – Консульство повело работу по развалу их изнутри, для чего им посланы свои верные люди, с определённой директивой...» [4, ф. 47, оп. 5, д. 215, л. 76–78]. Телеграмма из Запсибкрайисполкома в НКВД от 4 марта 1935 г.: «в пригородном китайском колхозе „Красный Восток“... вместо своей производственной работы, занимаются изготовлением поздравительных плакатов на китайском языке, с

целью поднесения их кит. генконсулу в Новосибирске ЛИ-ФАНУ... требование консульства, изложенное в письме по своему содержанию направлено на вмешательство во внутренний распорядок колхоза, что мы это рассматриваем, как попытку консульства вмешаться в наши внутренние дела, о чём и доводим до сведения Наркоминдела. Через некоторое время консульство уведомило нас, что они не удовлетворены нашим ответом и посылают протест в Посольство. Кроме того за последнее время кит. генконсульство в Новосибирске выдало нацпаспорта китайцам... состоящим в Советском гражданстве, а также интернированным китайцам...» [4, ф. 47, оп. 5, д. 215, л. 8–8об.].

В 1935 г. генконсулом в Новосибирск вместо Ли Фана был назначен известный китайский дипломат уроженец Северо-Восточного Китая Чжан Датянь. После окончания в 1921 г. политико-юридической спецшколы русского языка при МИД КР он работал в представительстве Китая в ДВР, состоял в консульствах в Чите и Благовещенске. Позднее Чжан Датянь занимал должности генконсула во Владивостоке, временного поверенного в делах Китая в Москве. В советских начала 1940-х гг. документах также упоминается «...бывший консул в Новосибирске Чжу. Подозрительная по японским связям личность» [7, с. 211]. Консульство Китайской Республики в столице Сибири окончательно было закрыто накануне Второй мировой войны. 25 июля 1939 г. был составлен «Акт о передаче консулом Ген-Куаном местным властям на хранение имущества» [4, ф. Р-47, оп. 5, д. 84, л. 24].

Таким образом, в период Китайской Республики на территории Сибири работало несколько китайских консульских учреждений. Консульские учреждения Китайской Республики в Чите, Иркутске и Новосибирске играли важную роль в общей системе советско-китайских отношений. Без сомнения, 1920–1930-е гг. в части опыта работы китайских консульств в Сибири были самыми плодотворными и насыщенными событиями за всю историю русско-китайских отношений.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
3. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук (АВ ИВР РАН).
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).
7. Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV: Советско-китайские отношения 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2000.
8. Советская Сибирь. 1929. 27 июля.
9. Системная история международных отношений в четырёх томах. События и документы. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. М., 2000.
10. Соловьёв А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002.